

Русский приключенческий роман

Ник. Шпанов

УЧЕНИК ЧАРОДЕЯ

RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 84.4
Ш83

Шпанов, Н.

Ш83 Ученик чародея / Н. Шпанов — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 588 с. — (Русский приключенческий роман).

ISBN 978-5-521-92840-8

Расследование обычного на первый взгляд отравления человека приводит к раскрытию враждебной Советскому Союзу деятельности, проводимой зарубежными спецслужбами при содействии Ордена иезуитов.

BIC FJ
BISAC FIC002000

ISBN 978-5-521-92840-8

© Николай Шпанов, текст, 2021
© Елена Чернова, обложка, 2021
© RUGRAM, оформление, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

УЧЕНИК ЧАРОДЕЯ

Пролог

Нил Платонович Кручинин не принадлежал к числу людей, которые легко поддаются настроениям. Но невнимание, проявленное Грачиком, все же привело его в состояние нервозности, которую он и пытался сейчас подавить, прогуливаясь по платформе Курского вокзала. Не слишком-то приятно: молодой человек, воспитанию которого ты отдал столько сил и представлявший тебе ни больше, ни меньше как продолжением в будущее собственного кручининского «я», не приехал ни вчера вечером, чтобы посумерничать в последний день перед расставанием, ни сегодня утром! «Уехал за город» — этот ответ работницы не удовлетворил Кручинина. Разумеется, дача в июне — это законно, но Грачик мог бы посидеть и в городе, зная, что предстоит отъезд старого друга и немного больше, чем просто учителя.

Кручинин прохаживался вдоль поезда, стараясь не глядеть на вокзальные часы. Но часы словно сами становились на его пути: то и дело их стрелки оказывались перед глазами. До отхода поезда оставалось пятнадцать минут, когда Кручинин решил войти в вагон.

Именно тут-то запыхавшийся Грачик и схватил его за рукав:

— Нил Платонович, дорогой, пробовал звонить вам с аэродрома — уже не застал. Боялся, не успею и сюда.

— С аэродрома? — переспросил Кручинин.

— Вчера, едва я вам позвонил, — вызывают. — Грачик отер вспотевший лоб и отвел Кручинина в сторону. — На аэродроме происшествие: самолет из Риги, посадка, одну пассажирку не могут разбудить. Тяжелое отравление. Летела из Риги. Никаких документов и ее никто не встречает.

— Смерть? — заинтересовался Кручинин.

— Слабые признаки жизни...

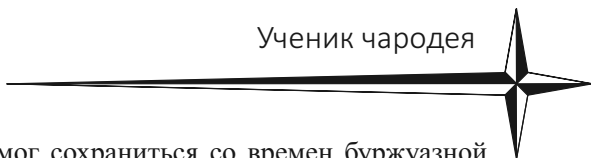
— Позволь, позволь, — перебил Кручинин. — В бортовой ведомости имеются же имена всех пассажиров.

— Разумеется, запись: Зита Дробнис. Пока врачи делают промывание желудка, успеваю навести справку в Риге: Зита Дробнис не прописана. Заказываю справку по районам Латвии. Но тут под подкладкой жакетика обнаруживаю провалившийся в дырявый карман обрывок телеграммы из Сочи. «Крепко целуем встречаем Адлере». Подпись «Люка», И еще...

— Телеграмма Зите Дробнис? — спросил Кручинин.

— В том-то и дело, что адреса нет — верхняя часть бланка оторвана. Но это неважно. Прошу сочинцев дать справку по служебным отметкам: номер и прочее. Узнаю: обратный адрес найден на бланке отправления в Сочи. Уточняем: отправительница — дочь известного ленинградского писателя отдыхает в Сочи и действительно ждет гостью из Риги. Но ожидаемую гостью зовут вовсе не Зита Дробнис, а Ванда Твардовская. Повторяю запрос в Ригу. Твардовская там оказывается. Даже две: мать и дочь. Дочь по показанию соседей сутки как исчезла. Мать в тот же день уехала, не сказав куда. Предлагаю организовать розыск. Ясно, что имею дело с отправлением Ванды Твардовской — дочери. Фальсификация имени в бортовой записи наводит на подозрение. Заключение лаборатории НТО — яд, у нас мало известный: «Сульфат таллия».

— Да, да, — живо подхватил Кручинин: — сульфат таллия очень устойчив в организме. Эксгумация через четыре года позволяет установить его присутствие в тканях трупа. Яд без цвета, запаха, вкуса, не окрашивает пищу. Продолжительность действия определяется дозой: от суток до месяца. Сульфат таллия был довольно распространен за границей в качестве средства борьбы с грызунами. Поэтому там его легко было достать. У нас не применялся. Отсюда — первый вывод: яд может быть иностранного происхождения.

— Но в Риге он мог сохраниться со времен буржуазной республики, — возразил Грачик.

— Ты прав, — согласился Кручинин. — Возможно... Дальше?.. Остается девять минут до отхода поезда. Нужно решать: брать мои вещи из вагона?

— Зачем? — насторожился Грачик. — Вам необходимо ехать. Я справлюсь. Но позвольте сначала...

— Нахал ты, Грач! — добродушно воскликнул повеселевший уже Кручинин. — Откуда столько самоуверенности?.. Однако к делу! Симптомы отравления сульфатом таллия: боль в горле, покалывание в ступнях и в кистях рук; расстройство желудка, выпадение волос. Впрочем, это уже на затяжных стадиях. Совпадает?

— Что тут можно сказать: ведь отравленная — без сознания.

— Да, черт возьми! Ее не спросишь, — разочарованно сказал Кручинин. — Исход может оказаться и смертельным. — И вдруг спохватился: — Эта телеграмма из Сочи — единственное, что при ней было?

— Нет...

— Так что же ты молчишь?..

— Вы же сами не даете мне договорить... В самолете оказалась вторая отравленная — соседка Твардовской по кабине. Москвичка. Ее состояние много легче. Показала: Твардовская угостила ее, свою случайную спутницу (они познакомились уже в самолете), частью своего бутерброда и дала отпить чая, который был у нее в термосе. Бутерброд, по-видимому, съеден весь, а в термосе осталось несколько капель чая. В них нашелся яд.

— Ну, что же, — проговорил Кручинин. — Яд в термосе, который был залит дома или в каком-нибудь буфете. Скорее всего, в ресторане рижского аэропорта. Держись за эту ниточку. Она куда-нибудь да приведет. — Он покрутил между пальцами кончик бородавки. — Но странная идея для самоубийцы: прихватить на тот свет случайную попутчицу... Или Ванда — убийца соседки, а сама глотнула яд случайно, а?

— Исключено, — уверенно возразил Грачик. — Они не только не были знакомы, но никогда в жизни не встречались.

— Положим, это еще не доказательство!.. Однако, действительно, трудно допустить: дать жертве немножко яда, а самой выпить целый термос... Интересно: дело о самоубийстве девицы, желающей умереть в компании. Стоит мне застрять тут, а?.. Старость-то, брат, — не радость: начинаю чувствовать, что и у меня есть скелет и положенные ему по штату суставы.

— Поезжайте на здоровье, — настойчиво повторил Грачик. Ему не хотелось, чтобы Кручинин остался. — Лечитесь, отдыхайте.

— Небось, разберешься?! — с оттенком некоторой иронии проговорил Кручинин. — Ах, Грач, Грач! — Кручинин понял, что его молодому другу хочется провести дело без помощи, и покачал головой. — Только не забудь: за такого рода делом может оказаться и рука тех, оттуда. Но... — Кручинин предостерегающе поднял палец, — не нужно и предвзятости.

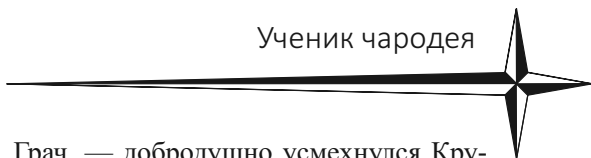
— Не посрамим вашей школы, учитель джан! — весело отозвался Грачик.

— Нравится тебе или нет, а, видно, придется отправиться в Прибалтику раньше намеченного отпуска.

— Не беда, там и останусь отдыхать. Побольше покупаюсь в ожидании вашего приезда, — и, заглядывая в глаза Кручинину, просительно: — А вашу «Победу» можно взять? Когда приедете с юга, покатаемся по Прибалтике, как задували.

— Ежели дело тебя не задержит.

— Этого не случится, — беспечно отозвался Грачик, — хотя порой затяжные дела вырастают на пустом месте. Произошло ограбление или даже убийство, — кажется, просто: нашли нарушителя, изобличили, осудили и дело с концом. А глядишь, дело-то еще только началось — и растет, растет, как лавина. Даже страшно подчас становится.

— А ты не бойся, Грач, — добродушно усмехнулся Кручинин лавина опасная штука, слов нет, но... не так страшен черт...

— Это конечно... — живо согласился Грачик. — Вот, знаете, у нас в горах, в Армении, так бывает: начинается пустяковый обвал. Ну просто так, ком снега, честное слово! Катится с горы, катится и, глядишь, — уже не ком, а целая гора. Честное слово, дорогой, настоящая гора летит. Так и кажется: еще несколько минут, и — конец всему, что есть внизу, у подножия гор. Будь то стада — не станет стад; селение — не будет селения. Лавина!.. Само слово-то какое: лавина! Будь внизу город — сплющит, раздавит! Просто — конец мира!.. Но вот стоит на пути лавины скала — так, обыкновенная скала, даже не очень большая. А глядишь, дошла до нее лавина, ударилась, задержалась, словно задумалась, и... рассыпалась. Только туман вокруг поднялся такой, что света божьего не видеть. Тоже вроде светопреставления... Что вы смеетесь? Честное слово! А прошло несколько минут, и смотрите: ни лавины, ни тумана — только на долину снег посыпался и растаял на солнце. Вроде росы. Люди радуются, стада радуются, цветут селения под горой...

Кручинин положил руку на плечо друга.

— Это ты мне притчу, что ли, рассказываешь?

— Правильно вы сказали, дорогой, у меня вроде притчи получилось: ком снега — это они. Катятся с грохотом, с шумом — конец мира. А вот стоит на их пути скала...

— Скала — это ты, что ли?

— Все мы, а я — маленький камешек.

— Не шибко видный из себя? — подмигнув, спросил Кручинин.

Грачик потрогал пальцем свои щегольски подстриженные черные усики и рассмеялся.

— Я только говорю: грохот, шум, страху — на весь мир. А один, только один крепкий камень на пути и — туман!..

— Надеюсь, — со смехом подхватил Кручинин, — в июне лавин не бывает, а?

— Конечно... июньское солнце на Кавказе — ого!.. Неудачное время для отдыха выбрали.

— Лучше солнце в июне, чем толпы курортников в августе.

— Вы становитесь нелюдимым?

— Пока нет, но в дороге и на курорте предпочитаю малолюдство. Особенно перед тем, что мне, кажется, предстоит...

Грачик наострил было уши, но Кручинин умолк не договорив. Он так и не сказал молодому другу о том, что получил предложение вернуться на службу. Назначение в следственный отдел союзной прокуратуры манило его интересной работой, но хотелось сначала отдохнуть и набраться сил. Грачику он сказал с самым незначительным видом:

— Однако пора прощаться, вон паровоз дал свисток.

Они крепко расцеловались, и Кручинин на ходу вскочил на подножку вагона.

Грачик глядел на милое лицо друга, в его добрые голубые глаза, на сильно поседевшую уже бородку над небрежно повязанным галстуком и на тонкую руку с такими длинными-длинными нервными пальцами, дружески махавшую ему на прощанье.

Кажется, в первый раз с начала их дружбы они ехали в разные стороны.

Грачик зашагал прочь от грохотававших мимо него вагонов.

Сегодня и ему предстояло покинуть Москву. Но путь его самолета лежал на север, в Ригу, по следам Ванды Твардовской, по следам нескольких капель чая, содержащих признаки сульфата таллия...

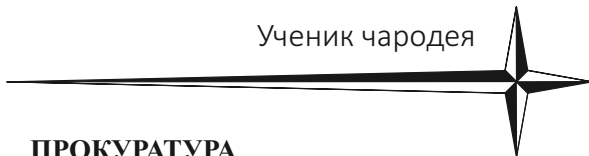
...И ВОТ

ЧТО

ВЫШЛО

из этой поездки

Ученик чародея

ПРОКУРАТУРА
НАРОДНЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ
Латвийской ССР

ДЕЛО № 13/С

По обвинению

Диверсионной группы

«ДТ 1»

по ст. 586, 588, 599 и 136 Уголовного кодекса

НАЧАТО 20 мая 1955 г.
ЗАКОНЧЕНО 18 ноября 1955 г.

Том № 1 — 12

НА 2842 листах

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. НОЧЬ НА ИВАНА КУПАЛА

Несмотря на обычную дождливость июня в этих краях, на этот раз погода была на стороне гуляющих. Лодки одна за другой отваливали от освещенного берега маленького заводского сада. Стоило гребцам сделать несколько ударов веслами — и суда исчезали в темноте. Они без шума скользили по черной, гладкой до маслянистости поверхности Лиелупе. Лодка удалялась от берега, и на ней возникала песня. Молодые голоса славили лето, славили народный праздник Лиго, прошедший до социализма от языческих времен, сквозь тысячелетия христианства, сквозь века неметчины, — праздник, ставший просто радостным зрелищем, с цветами, с песнями, с прогулками по реке и с прыжками через костры. Цветы и огонь были приметами этой ночи. Цветы, огонь и песни.

Из полосы света, отбрасываемой яркими электрическими шарами с пристани, ускользнула и лодка, в которой, среди других, были Эджин Круминьш и Карлис Силс, недавно появившиеся среди заводской молодежи. Оба сидели на веслах. Но когда лодка удалилась от берега, Круминьш положил весла и повернулся к Мартыну Залиню. Залинь был парень огромного роста и, что называется, косая сажень в плечах. Его маленькая голова, стриженная бобриком, казалась еще меньше на этом большом тяжелом теле, занимавшем всю лавку на корме между девушками.

— Передай мне аккордеон, — сказал Круминьш Мартыну.

Получив инструмент, он заиграл. Одна из девушек запела:

*Циткарт, циткарт,
Ка яуна бию,
Зедню, на розе,*